

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Л.Н. ГУМИЛЕВА (по материалам Музея-кабинета Льва Николаевича Гумилева в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева)

Жизнь Л.Н. Гумилева – при известности ее основных вех – на самом деле тема недостаточно разработанная. Известны всего три книги, специально посвященные жизненному пути мыслителя: С.Б. Лавров «Лев Гумилев. Судьба и идеи» (М., 2000), А.И. Чистобаев «Этнологи, опередившие время: к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова (СПб., 2002)» и Т. Фроловская «Евразийский Лев» (Семей, 2003). Поэтому попытка полного жизнеописания Л.Н. Гумилева сталкивается с трудностями при освещении как его человеческой, так и научной биографии.

Исходя из этого, нами предпринята попытка посмотреть на жизнь Льва Николаевича через призму поэзии и некоторых воспоминаний, имеющих, как нам кажется, несмотря на суровость эпохи, поэтический характер. Источниками для этого нам послужили конкретные материалы о жизни ученого, собранные благодаря помощи петербургских коллег в фонде Кабинета Л.Н. Гумилева Евразийского национального университета.

Академик А.М. Панченко, долгие годы близко общавшийся с Л.Н. Гумилевым, в некрологе, на 40 день после смерти Л.Н., когда первая боль утраты прошла, сказал о светлом моменте рождения Льва так: «...И вот 1 октября 1912 г. “барышня Аня” родила сына. Когда в Слепневе (родовое имение Гумилевых в Тверской губернии – авт.) получили известие о рождении наследника, хозяева усадьбы созвали крестьян и простили им все долги, вынесли корзины яблок и всем раздали по яблочку». Вот с этой мажорной ноты начался жизненный путь маленького Левы. Однако уже через два года началась мировая война, война России с Германией и его отец, известный поэт Н.С. Гумилев, ушел добровольцем на германский фронт.

К 1916 году относится известная фотография: где вместе отец (вернувшийся на побывку с фронта), мать и Лева, которому четыре года. Тогда же, 24 июня 1916 года Марина Цветаева написала свои пророческие «Стихи к Ахматовой»:

Имя ребенка – Лев,

Матери – Анна.

В имени его – гнев,

В материнском – тишь.

Рыжий львеныш

С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!
Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок – в твоей горсти!

М.И. Цветаева короткой поэтической строчкой предугадала весь трагизм будущей жизни Л.Н. Гумилева. До социальной революции, рассеявшей сословие дворянской аристократии, к которому принадлежал Николай Степанович, отец Льва Николаевича, (а значит, по праву рождения и сам Лев), оставалось всего чуть больше года.

В этих стихах М.И. Цветаевой также обращает на себя внимание и второе пророчество – о масштабе, по сути, о «всемирности» будущих научных интересов Л.Н. Гумилева. Ведь, действительно, в дальнейшем в руках Л.Н. Гумилева как историка-исследователя были и «Север», и «Юг» и «Запад», и «Восток». Почему же так произошло? Была ли эта исследовательская широта приобретением его личной научной биографии или же на «всемирность» исторических интересов Л.Н. Гумилева повлияли иные факторы?

На наш взгляд, пытаясь проникнуть в тайну жизни и творчества Л.Н. Гумилева, мы обязательно должны учесть духовное, интеллектуальное влияние отца: влияние и на генном уровне, и через отцовские стихи.

Ценителям поэзии Н.С. Гумилева хорошо известно, что Николай Степанович – певец восточных («незападных») цивилизаций. Поэтическими подтверждениями-цитатами его устойчивого интереса к Востоку, в широком смысле этого понятия, можно было бы заполнить не одну страницу. В ходе всего своего творчества Н.С. Гумилев, по существу, непрерывно искал свою подлинную Родину, свою непетербургскую, как бы сказал его сын, – «Евразию», не раз приходившую к нему в стихах:

И тут я проснулся и вскрикнул:
«Что если страна эта истинно Родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»
И понял, что заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,

К которым мне путь навсегда запрещен.

К этим «запрещенным рекам», к этим не признаваемым тогда официальной наукой евразийским, тюрко-славянским истокам и шел вслед за отцом всю свою жизнь Л.Н. Гумилев.

Другим фактором, который нельзя сбрасывать со счетов, при стремлении понять происхождение Л.Н. Гумилева как исследователя, для которого Восток, Евразия всегда были ближе, чем Запад, является влияние материнского рода – рода Ахматовых. Если суммировать семейное предание Анны Андреевны Ахматовой на основе ее записных книжек и воспоминаний самого Льва Николаевича, то получается следующая картина.

Дальним предком Анны Андреевны был хан Ахмат, чингизид, с ним закончилась на Руси в 1480 году Ордынская власть. В 1733 году потомок этого хана получил российское дворянство. Его сын создал в Петербурге татарскую типографию. Последняя из княжон Ахматовых, Прасковья Егоровна, в начале XIX века вышла замуж за сибирского помещика Егора Мотовилова. Их дочь, Анна Егоровна (бабушка Анны Андреевны), вышла замуж за полковника Эразма Стогова. В ее честь внучка (будущая поэтесса) была названа Анной.

Конечно, мы можем спорить и сомневаться в принадлежности предков Л.Н. Гумилева по материнской линии именно к чингизидам, но реалистичность присутствия тюркской ветви в генеалогическом древе Л.Н. Гумилева не вызывает сомнений.

Приведем фрагмент интервью, данного Л.Н. Гумилевым в 1992 году известному режиссеру Э.Е. Дильмухамедовой: «Кем я должен себя считать – татарин или русским? По стереотипу поведения, я, бесспорно, русский. Но черты татарские во мне, очевидно, сохранились. Интерес к народам Средней Азии и Сибири у меня существовал с детства. ...Этим объясняются и мои научные успехи, потому что я писал о предмете, который мне близок, дорог и который составляет как бы часть самого меня».

Вот это – «часть самого меня» – сказанное в конце жизни по отношению к основным научным интересам Л.Н., является красивой и чрезвычайно важной мыслью, очень многое объясняющей в его многогранном творчестве.

...Вернемся в начало 20-х годов. Через четыре месяца после расстрела Н.С. Гумилева, Анна Ахматова приезжает в провинциальный Бежецк (где она когда-то была счастлива с Николаем Степановичем) к маленькому Леве, и пишет 26 декабря 1921 года стихотворение «Бежецк»:

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,

Там милого сына цветут васильковые очи.

.....
Там строгая память, такая скупая теперь,

Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;

Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...

И город был полон веселым рождественским звоном.

Для А.А. Ахматовой и для ее маленького сына закончилась прежняя жизнь и наступила новая, та самая в которой, как пророчила М. Цветаева в 1916 году, Льву придется нести «страшное наследье».

В Бежецке Лев пошел в школу, и эти школьные годы стали также не последним фактором в его дальнейшем интересе к мировой истории. Существенное влияние в Бежецке на него оказал учитель истории А.М. Переслегин. Лучше всего о значении этого периода в жизни Л.Н. свидетельствует его письмо учителю от 30 декабря 1968 года. Прошло четыре десятилетия после бежецких уроков А.М. Переслегина, самому Льву Николаевичу уже 56 лет. И вот известный доктор наук пишет поразительное, по степени признательности, письмо-поздравление с Новым годом своему старому школьному учителю: «Дорогой Учитель, милый Александр Михайлович! ... Желая здоровья и хочу поделиться с Вами моей большой радостью. Закончил третью часть моей «Степной трилогии» - «Поиски вымышленного царства»... Получился скорее трактат, нежели монография... А еще сдал в журнал «Природа» огромную статью «Этнос и этнология как явление природы». Приняли! И то и другое родилось из наших бесед, когда Вы уделили глупому мальчишке столько времени и внимания. С 1928 года моя мысль работала, будучи толкнута Вами. Сейчас я стар,... но передо мною все чаще встают картины детства и Ваш светлый образ». Так оценивал сам Л.Н. Гумилев роль школьного учителя в своей жизни.

Именно благодаря А.М. Переслегину молодой Лев надумал поступать в университет, чтобы учиться историческому ремеслу. И в 1934 году Л.Н. поступает на исторический факультет Ленинградского государственного университета, только что восстановленный в числе факультетов ЛГУ. Однако, кто знал тогда, что годы его учебы так растянутся, что закончит университет он только после Отечественной войны. В его дипломе так и записано: поступил в университет в 1934 году, а закончил – в 1946 году. Между этими датами судьба Л.Н. включила разные «университеты» – и военные, и тюремные.

При том, сын поэтов, Лев Николаевич, вне всякого сомнения, был сам – поэт. И поэт не только по натуре, но и по конкретным поэтическим способностям, которые он реализовал в своих многочисленных стихотворениях, которые известны гораздо меньше, чем его исторические труды.

И вот, в 1936 году студент Л.Н. Гумилев пишет стихотворение «История», по существу, программного характера. Для него история – это не абстракция, он живет ею и в ней, и он обретает, благодаря познанию истории, «второе сердце», обретает бессмертие!

...Маятник столетий,

Как сердце бьется в сердце у меня.

Чужие жизни и чужие смерти

Живут в других словах другого дня.

.....

...но разговор столетий

Звучит, как сердце, в сердце у меня.

Так я двусердый, я не встречу смерти,

Живя в других словах другого дня.

Гумилев-историк не боится смерти, – ведь, сама история бессмертна, а значит и бессмертно, бесконечно ее познание. Но суровая реальность 30-х годов диктовала другие мотивы. Анна Андреевна об этом времени скажет так: «Звезды смерти стояли над нами...» А студент Лев Гумилев в той обстановке нагнетания страха и начавшихся репрессий напишет такие строчки: «Скоро кровью людской и медвежьей будет мыться святая тайга...»

Из воспоминаний Л.Н.: «В августе 1935 г. меня арестовали. В Ленинграде нарастала травля талантливых ученых, студентов из интеллигентных семей. В число первых жертв среди студентов-историков попал и я. ...Вскоре нас всех выпустили на волю,.. а меня выдворили из университета. В ту зиму я страшно голодал.

Университет до войны мне все же не дали закончить. В марте 1938 г. меня взяли с четвертого курса, и на этот раз надолго и прочно...

... Следователь все более распалялся. В конце он даже не говорил, а матерясь, кричал на меня: “Ты любишь отца, гад! Встань к стене!” Он схватил меня за воротник рубашки и стал избивать. ...Вручая мне на Лубянке постановление Особого совещания НКВД, прокурор заявил: «Вы опасны, потому что грамотны. Получите 10 лет».

Т ак в заключении продолжились университеты Льва Гумилева. Никто не знал тогда, чем все может закончиться, но в обстановке многочисленных казней Анна Андреевна ждала худшего – расстрела:

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын, ты ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.

Сам же Л.Н. Гумилев, прекрасно понимая свое положение и свои тюремные «перспективы», кратко и горько сформулировал так: «Первый раз я сидел за папу, а второй – за маму».

В воспоминаниях Эммы Герштейн, женщины, которая любила Л.Н., есть такой эпизод. Анна Андреевна многие дни и ночи простояла в бесконечных и страшных своей безысходностью тюремных очередях. Однажды ее узнали и женщина с синими бескровными губами, стоявшая перед ней, беззвучно спросила: «А вы можете об этом написать»? "Да", - сказала Анна Ахматова.

Ее ответом, ее вызовом судьбе стал «Реквием»:

...Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол,
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном,
Крепко слаженной слезки своей...

И еще одна строчка, которая передает весь трагизм внутреннего мира Анны Ахматовой в 30-е (да и не только) годы: «Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне...».

Между двумя тюремными сроками Л.Н. Гумилева была война – еще один его университет. Академик А.М. Панченко по этому поводу сказал так:

«Надлежит помнить, что Лев Гумилев брал Берлин – он служил в зенитной артиллерии. И как-то на Одере под разрыв бомб – немцы бомбили переправу, а его батарея отгоняла самолеты – он стоял и читал по-французски стихи Гюго. ...Он был человеком исключительной силы духа».

И эта сила духа проявилась везде, и в тюрьме, и на фронте, и в его упорных занятиях историей. Лев очень быстро понял свой дар – дар историка. Еще в 1934 год он пишет стихотворение, где пытается поэтически осмыслить свою внутреннюю тягу к тайнам человеческой истории.

Дар слов, неведомый уму,

Мне был обещан от природы.

.....

И легкий воздух, и огонь

В одно мое сокрыты слово,

Но слово мечется как конь,

Как конь вдоль берега морского,

.....

И вижу – тайна бытия

Смертельна для чела земного,

И слово мчится вдоль нея,

Как конь вдоль берега морского.

И, действительно, его мысль, его слово никогда не останавливались. Творческое движение гумилевской мысли, «обещанное от природы» и соединившее в себе «и легкий воздух, и огонь», продолжало свое движение, «мчалось, как конь», даже в сложнейших условиях заключения в лагере, где вопрос был не о науке, а о жизни человека.

В Омском лагере (после Караганды) Л.Н. Гумилев обратился к своему тюремному начальству: «Можно ли мне писать: переводить стихи, писать книгу о гуннах» и через несколько дней получил ответ: «Гуннов можно, стихи – нельзя».

Эски приносили Л.Н. Гумилеву обрывки мешков из-под цемента, а он сшивал из них самодельные тетрадки и мелким почерком писал историю Евразии. Мы часто мечтаем о каких-то идеальных условиях для занятий наукой. А Лев Николаевич, несмотря на обстоятельства, работал даже в заключении. Это ли

не настоящий научный подвиг? Это ли не свидетельство подлинной силы духа?

Оригиналы этих бесценных лагерных рукописей хранятся сегодня в Москве, у Натальи Викторовны Гумилевой. Среди лагерных документов есть один, совершенно уникальный и поразительный – это научное завещание Льва Николаевича от 25 марта 1954 года. В нем сказано: «Я написал «Историю Хунну» для собственного удовольствия и утешения души. Она написана так, как пишут книги на Сталинскую премию, только живее и, надеюсь, талантливее, чем у моих коллег-историков. Поэтому, в случае моей смерти, прошу рукопись не уничтожать, а отдать в рукописный отдел Института востоковедения АН СССР, в Ленинграде.

При редакционной правке книга может быть напечатана; авторство мое может быть опущено; я люблю нашу науку больше, чем собственное тщеславие. Книга эта может восполнить пробел в науке и отчасти залечить раны, нанесенные нашей науке наглостью и бездарностью доктора исторических наук А.Н. Бернштама. Лучшим редактором книги, в настоящее время, может быть доктор исторических наук А.П. Окладников.

В том случае, если книга напечатана не будет, разрешаю студентам и аспирантам пользоваться материалом без упоминания моего авторства, наука не должна страдать.

Готические соборы строились безымянными мастерами; я готов быть безымянным мастером науки».

Вот такое завещание, не имеющее аналогов, было сделано в лагере кандидатом наук Л.Н. Гумилевым.

Он остался жив и в 1956 году, освободившись из Омской тюрьмы, привез в Ленинград два вместительных, грубо сколоченных их досок чемодана. В них были те самые рукописи двух книг – “Хунну. Срединная Азия в древние времена” и “Древние тюрки в VI – VIII веках”. “Древние тюрки” станет его докторской диссертацией по историческим наукам. В 1961 году он защитит ее с таким блеском и силой, что в научных кругах заговорят о нем, как о крупнейшем специалисте по истории народов Центральной Евразии.

Мы не судьи нашим родителям, и мы не судьи большим родителям больших детей. Известно, что Анну Андреевну и Льва Гумилева, мать и сына, связывали не простые отношения. Но то время слишком сильно прошло по их личной судьбе, чтобы мы могли требовать от них каких-то идеальных отношений. Вряд ли кто сильнее чем мать, ждал Льва из заключения. Анна Андреевна наконец дождалась сына. И вот 9 апреля 1958 года она пишет стихотворение, в котором отражена не только явь, но и зашифрован некий скрытый от посторонних глаз смысл их взаимоотношений.

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.
Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.
Смерть стоит все равно у порога,
Ты гони ее или зови,
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови.
А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.

Сохранилось немало посланий матери к сыну. Часто это были телеграммы. Например, 3 марта 1962 года (в день Ангела Л.Н. Гумилева) А.А. Ахматова отправляет телеграмму: «Поздравляю сына целую крепко желаю радости = мама». А 1 октября 1962 года она поздравляет сына с днем рождения: «Поздравляю тебя с сегодняшним праздником желаю радости целую = мама». Или послание Анны Андреевны от 2 марта 1963 года: «Поздравляю днем Ангела всегда помню и люблю = мама». Мы не думаем, что это были формальные телеграммы. Несмотря на лаконизм формы, они несут в себе теплое материнское чувство.

Да и отношение самого Льва к матери не может быть истолковано как-то однозначно. Не был Лев бездушным «недовольным сыном», он хорошо понимал свободолюбие творческой природы и души А.А. Ахматовой, весь трагизм ее жизни в условиях того времени – жизни поэта в клетке, которую даже нельзя назвать «золотой». Достаточно вспомнить то, как обращался к матери Л.Н. в письмах. А вели они переписку и в период заключения Льва (когда ему разрешили). Вот, например, как начинает Лев Николаевич одно из

писем из Омской тюрьмы (9 ноября 1954 года): «Милая моя мамочка...» А ведь Л.Н. тогда было 42 года. Такое ласковое обращение к матери в письме не было исключением.

Для понимания внутреннего мира Л.Н. Гумилева весьма важно содержание его писем, которые позволяли выйти за пределы лагерного мира. Л.Н. апробирует в письмах из лагеря некоторые свои идеи, и в них видно восточное, евразийское направление движения гумилевской мысли. В том же письме от 9 ноября 1954 года Л.Н. Гумилев пишет так: «Поистине Азия и Европа меняются местами, и все больше уверяюсь я, что Европа скоро превратится в такую же провинцию, какой она была в VI веке». Ну, кто тогда в середине XX века мыслил так на планете Земля! В научном сообществе – очень немногие.

Евразийская ориентация Л.Н. Гумилева оформлялась в 30 – 50-е годы, параллельно, но по существу независимо, с деятельностью евразийцев из российской эмиграции. И мы никак не можем согласиться с некоторыми сегодняшними попытками оторвать смысл творчества Л.Н. Гумилева от наследия евразийцев 20 – 30-х годов.

Реальным подтверждением смысловой связи евразийцев и Л.Н. Гумилева является сам дух гумилевских исторических работ и его переписка с П.Н. Савицким, который, как один из основателей евразийства, безусловно, поддержал евразийские тенденции в творчестве Л.Н. Гумилева, укрепил его на этом пути. В 1958 году П.С. Савицкий пишет Л.Н. Гумилеву из Праги: «Древние кочевники являются для нас великим примером того, как нужно сражаться и побеждать, защищать себя, сохранять свой быт, свой жизненный уклад, свою самобытность». И далее: «До самого основания обломить Западу рог его высокомерия – вот задача нашего времени. Наука о кочевниках может и должна этому служить...» Это сказано П.Н. Савицким в частной переписке – и потому несет в себе заряд научной и человеческой откровенности. Подобные мысли не были для Л.Н. Гумилева каким-то совершенно новым подходом. По сути, он и сам мыслил так всегда, по крайней мере, с тех студенческих пор как стал задумываться над проблемами истории народов Евразии. В поэтической форме Лев Николаевич сказал об этом так:

Я молюсь на восточные зори,

А о западных только скорблю...

В фонде Кабинета Л.Н. Гумилева ЕНУ есть еще один документ, отражающий перипетии научной биографии Льва Николаевича, мимо которого пройти невозможно. Документ этот буквально притягивает своей поражающей простотой. Он даже псевдопоэтичен по-своему, как документ советского научного канцеляризма. Это – почтовая открытка, полученная на имя Л.Н. из

Высшей аттестационной комиссии в июне 1976 года. Такие открытки и сегодня ждет каждый соискатель ученых степеней, прошедший процедуру защиты, так как они официально информируют соискателя о решении ВАК. Ждал ее и Л.Н. На открытке штамп: «Президиум ВАК «21» V 1976 г., протокол № 15, отказал в присуждении ученой степени доктора географических наук». И чья-то подпись. Все просто, буднично и страшно. Однако деятели ВАК не знали одного – для Л.Н. Гумилева – доктора исторических наук, вторая докторская была делом скорее не необходимости, не личных амбиций, а здорового научного азарта – и в этой области вряд ли у него были конкуренты. Формальная справедливость восторжествовала в 1992 году, когда ВАК отменил это решение и признал вторую докторскую диссертацию Л.Н.

Вот так совсем не просто развивалась научная судьба ученого, посвятившего всю свою жизнь изучению этнической истории народов Евразии. И это евразийское дело, несмотря ни на что, стало главной научной заслугой Льва Николаевича.

В своем последнем интервью, в 1992 году Л.Н. Гумилев, так подвел итог своей научной биографии: «Смысл моей жизни отчасти был в том, чтобы восславить и воздать должное кочевым народам Евразии, которых я искренне любил».

На этом пути Л.Н. Гумилев не был абсолютно первым. Еще в конце XIX века, задолго до выступлений евразийцев 20-х годов, с призывом к изучению исторической роли тюрко-монгольских народов Евразии и их взаимосвязей со славянскими и европейскими народами выступил такой известный российский исследователь, как Г.Н. Потанин. Но и он не был, конечно, первым. Мы убеждены, что истоки евразийского подхода к истории уходят в глубь веков, – в саму историю евразийских народов.

В заключение вернемся к детству Л.Н. Гумилева. Иногда высказывается мнение, что единственным средством к тому, чтобы жизнь Л.Н. сложилась благополучно, была бы эмиграция матери с сыном в самом начале 20-х годов, сразу после расстрела отца. Однако А.А. Ахматова не захотела покинуть Родину, она была противником эмиграции и потом. Но, если это совершилось бы, и Лев еще подростком покинул Отечество: то был бы ли он, в этой внешне материально благополучной жизни на чужбине, счастлив?

Мы не знаем ответа на этот вопрос. Но мы знаем, что сам о себе говорил на склоне лет Л.Н. Гумилев: «Я счастливый человек, я всю жизнь говорил то, что хотел и увидел все свои книги опубликованными». Надо ли пояснять, что об этом мечтает каждый ученый.

В августе 1992 года петербургский поэт М. Дудин написал стихотворение «Памяти Льва Николаевича Гумилева». Им мы и хотели бы закончить это краткий рассказ:

Есть красота возвышенной души.
Она ему досталась по наследству
И тихо приказала: «Напиши
И в трате откровенности не бедствуй».
Он это понял точно. И всерьез
Дошел до самой сокровенной сути
Дорогой правды мужества без слез
Через пустыни мерзости и жути.
.....
Он сам себе тогда сказал: «Пиши!»
И в мир ушли пророческие книги
И сняли в тишине с его души
Божественного знания вериги.

М.Ж. Жолдасбеков, С.В. Селиверстов

**Публикация: Евразийство и Казахстан. Труды Евразийского научного
форума: «Гумилевские чтения». – Астана: Изд-во ЕНУ, 2003. С. 34-44**